
А. В. РАЗИН

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДЕЯТЕЛЯ*

В статье показано, что положение политического деятеля в современном мире достаточно противоречиво. С одной стороны, он отстаивает интересы своей собственной страны или ее отдельных регионов, с другой – вынужден вступать во взаимодействие с экономическими и финансовыми структурами, которые действуют вне национальных границ. В то же время следует учитывать и то, что политики имеют и собственные цели, действуют в собственных интересах. Все это создает сложности в реализации того, что может быть названо исторической ответственностью политика в глобальном смысле, его ответственностью перед будущим. Тем не менее прогрессивные политики задумываются о будущем, ориентируются на такие нравственные императивы, которые были нехарактерны для традиционной этики. В качестве методологии используется логика рассмотрения глобальных процессов. Новизна работы заключается в утверждении необходимости разработки программ преобразования общества, которые могут поднять его на новый уровень развития. Этому опасаются консервативные силы, пытающиеся убедить всех, что такие программы могут породить только радикальное зло.

Ключевые слова: политика, политик, ответственность, будущее, моральный императив, интересы, суверенитет, человечество, глобализм, выживание.

The article shows that the position of a politician in the modern world is quite controversial. On the one hand, he defends the interests of his own country or some of its region; on the other hand, he is forced to interact with economic and financial structures that operate outside national borders. At the same time, it should be taken into account that politicians have his own goals, acts in his own interests. All this creates difficulties in the implementation of what can be called the historical responsibility of a politician in the global

---

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00421).

sense, his responsibility before future. Nevertheless, progressive politicians think about the future, are guided by such moral imperatives that were not characteristic of traditional ethics. As a methodology, the logic of considering global processes is used. The novelty of the work lies in the assertion of the need to develop programs for the transformation of society that can raise it to a new level of development. Conservative forces fear this, trying to convince everyone that such programs can only generate radical evil.

Keywords: *politics, politician, responsibility, future, moral imperative, interests, sovereignty, humanity, globalism, survival.*

Чтобы раскрыть эту тему, нужно сначала разобраться с тем, что такое политика и кто такой политик. Существует множество определений политики. Не ставя задачи подробно классифицировать эти определения, отметим тем не менее те направления, по которым ведется изучение вопроса. Это рассмотрение политики как управления в интересах некоторого класса или группы лиц, рассмотрение политики в связи с экономикой, политики как целенаправленной деятельности группы лиц, политики как отношения между большими группами людей, объединенными в государстве с целью разрешения противоречий, создания взаимной заинтересованности в государственном объединении, политики в связи с идеологией (создание уверенности в справедливости существующего порядка) и т. д. Список можно было бы продолжить.

Достаточно интересное определение политики предложено А. С. Панариным. Он писал: «Политика есть вид рискованной (не гарантированной) коллективной деятельности в области властных отношений, участники которой пытаются изменить свой статус в обществе и перераспределить сферы влияния в контексте сложившихся исторических возможностей» [Философия 2003: 506–507].

Однако это определение не учитывает некоторых аспектов, например – связи политики с идеологией, с идеей справедливости, с глобальными процессами. На современном этапе развития человечества своеобразно переплетаются интересы национальных правящих элит, международных монополий, встающих над этими элитами, но по необходимости учитывающих их интересы, и интересы масс, в которых могут быть выражены протестные настроения, но может утвердиться и поддержка политики правящих сил.

Политика в самом общем плане представляет собой отношения между нациями, классами, государствами и отдельными людьми, связанные с завоеванием, удержанием и использованием государственной власти. Политика как действие представляет собой активность людей, направленную на борьбу за изменение их положения в обществе, признание их прав и свобод, расширение возможностей для осуществления своей экономической деятельности, включая стремление получить поддержку или прямое представительство в органах государства, иметь возможность влиять на принятие выгодных для себя политических решений в масштабах всего общества или отдельного региона.

Поскольку государство решает и экономические вопросы, но с помощью политических средств, под политикой часто понимают любое целенаправленное действие группы лиц или даже отдельного лица. Например, решение о строительстве нового аэродрома представляет собой экономическое дело. Но коль скоро это решение принимается какими-то органами власти, оно уже приобретает политический характер. За него борются те силы, которые в этом заинтересованы, например, владельцы земли, где предполагается осуществить строительство, а противостоят те, которые не получают от этого никаких выгод и видят для себя некоторое неудобство в его осуществлении – например, жители ближайших микрорайонов города или расположенных рядом населенных пунктов.

Но кроме борьбы за принятие политическими средствами определенных экономических решений, в обществе, конечно, постоянно осуществляется и такая политическая деятельность, которая направлена на решение общих вопросов. Это вопросы о характере налогообложения, об условиях выполнения гражданами общественных обязанностей (например, о том, как должна быть организована служба в армии), а также о том, как общество должно быть организовано в целом, с точки зрения представления людей о социальной справедливости.

Политические решения, конечно, принимаются властными структурами и представляющими их политическими лидерами. Понятно, что непосредственные участники политической жизни, принимающие решения, чаще всего представляют чьи-то интересы.

Но каков их собственный интерес в политике, что они рассчитывают получить от того, что, собственно, стали заниматься политикой? По этому поводу существуют разные оценки. От изображения таких лиц бескорыстными борцами за будущее человечества – до представления их в качестве прожженных политиканов, преследующих своекорыстные интересы, готовых ради их удовлетворения на неблаговидные поступки, ограниченные лишь осуждением со стороны общественного мнения, а также правовыми и моральными кодексами.

Рассматривая вопрос о роли власти и насилия в экономике, О. Тоффлер пишет: «В некоторых странах государство в политическом плане контролируется корпорациями, поэтому грань между частной и общественной властью тонка как волос. Но старая марксистская идея, что государство не более чем “исполнительный комитет” власти правящих корпораций, не учитывает общеизвестного: политики все чаще действуют от своего собственного имени, нежели в интересах других» [Тоффлер 2009: 61].

Это заявление тоже звучит достаточно категорично. Политик никогда не смог бы удержаться у власти, если бы он учитывал только свои интересы. По необходимости он должен стремиться к некоторому компромиссу, достижению баланса различных экономических сил, так же как и представляющих их интересы других политиков, общественных движений, выступающих под флагом защиты глобальных интересов всего человечества, например – экологических движений или тех, что представляют интересы каких-либо меньшинств (этнических, гендерных, культурно обособленных и т. д.).

Собственно говоря, такое сложное положение политика во многом и обуславливает связь политики с моралью даже не в каком-то высшем ценностном смысле, а в смысле того, что политику в объективном плане приходится думать об интересах других, попадающих в ареал его политической деятельности. В этом плане мораль, этическое отношение является одним из важных обстоятельств, влияющих на процесс принятия политических решений, ведь, несмотря на эгоистические в целом мотивы политической деятельности, осуществляемой различными группами, совместное существование людей в обществе всегда предполагает, что между от-

дельными участниками политической жизни достигается компромисс. Это означает, что выбирается некий более или менее оптимальный в данных условиях способ сочетания различных интересов, что этот способ соответствует характеру экономической жизни данного общества, позволяет поддерживать или увеличивать необходимые темпы развития производства, в результате чего в целом достигается удовлетворенность людей их жизнью в данном обществе. Если такой удовлетворенности не достигается, это означает только то, что политика неуспешна, что принимаются неверные политические решения или что вся система организации политических институтов данного общества, так же как и его правовая и моральные системы, не соответствует настоящим условиям экономической жизни, современным технологиям производства и тенденциям его перспективного развития.

Социальная связь современного общества, конечно, устроена так, что одни получают от участия в ней большие, а другие – меньшие выгоды. Но те, кто получает меньше, все же далеко не всегда готовы рисковать тем, что они имеют, даже для того, чтобы открыто выразить свое недовольство собственным положением в обществе, не говоря уже о каких-то более решительных действиях. Задача политика по существу оказывается именно в том, чтобы поддерживать такой баланс взаимодействия разных общественных сил, такое состояние противостоящих интересов, которое не приводит общество в конфликтное состояние, не снижает стимулы для активного участия людей в производительной деятельности. Это означает, что у граждан не возникает состояния апатии, приводящего к поиску внешних врагов, обвинению других в своих собственных неудачах. Последнее как раз часто имеет место в тех государствах, из которых исходит террористическая угроза.

Американский философ И. Валлерстайн, предложивший свой вариант системного понимания общественного глобального развития, отводит идеологии именно роль скрепляющего мотивы деятельности людей фактора. Идеология должна убеждать людей в том, что они живут в справедливом обществе, или по крайней мере в том, что никакое другое общество невозможно. Попытки его создания приведут и реально приводили в истории общества только к худшему.

В работах Х. Арндт, Т. Адорно, Ж.-Ф. Лиотара и ряда других современных философов осуществляется отказ от морального универсализма, производится критика макронарративов. Лиотар считает, что макронарративы утратили свою легитимирующую роль после катастрофических событий XX в. (холокост, репрессии, расправа со всяким инакомыслием). Происходит отказ от преобразующих социальных программ. Такие программы обвиняются в том, что их реализация ведет к тоталитарному обществу. За это критикуется просвещение. Как пишет А. Бадью, утверждается, что «любая попытка собрать людей вокруг позитивной идеи Добра и тем более охарактеризовать Человека на основе подобного Проекта оказывается на деле *подлинным источником зла как такового...* Всякий раз воля провести в жизнь идею справедливости или равенства приводит только к ухудшению. Всякая коллективная воля к Добру порождает Зло» [Бадью 2006: 13–14].

Собственно, делая выводы из этого положения, можно было бы сказать, что мы живем в условиях глобального исторического обмана. И он опирается на реальные исторические факты, ведь никакой обман был бы невозможен, если бы он совершенно не имел под собой оснований.

Такие основания находятся в виде ссылок на примеры обществ, пришедших к тоталитарным режимам. Здесь прежде всего упоминаются фашистская Германия с системой концлагерей и Советский Союз, где тоже были лагеря и репрессии. При этом не замечается, что фашизм был человеконенавистнической идеологией, а советская система при всех ее недостатках претендовала на гуманизм и провозглашала общечеловеческие ценности.

Не являются секретом массовые попытки искажения причин начала Второй мировой войны, героизация фашизма, принижение роли СССР в освобождении Европы от фашизма и т. д. Все это делается с целью утверждения желаемого места в геополитическом пространстве, списывания на историю имеющих место в ряде стран экономических просчетов и социальных конфликтов.

Объединение двух систем, приписывание им статуса античеловеческой идеологии, связанной в фашистской Германии с националистической идеей, а в Советском Союзе – с коммунистической идеологией, предполагающей жертву настоящим во имя «эфемер-

ного будущего», оказывается очень важным для современного западного общества, которое пошло по пути такого понимания гуманизма, который ничего не требует от человека и не случайно стремится уравнивать человека и животных, отказаться от антропоцентризма. Но тогда, если человеку отказывают в определениях, связанных с высшими стремлениями, действительно получается, что от него ничего нельзя требовать, так же как этого нельзя требовать от животных.

Современное производство все более и более автоматизируется, в результате высвобождается большое число людей. К сожалению, при современных тенденциях, связанных с пониманием того, что есть человек, эти люди чаще всего не готовы к интенсивной творческой деятельности. По некоторым данным, таких людей в мире всего 5 %. Крупные бизнес-структуры тоже не заинтересованы в том, чтобы стимулировать людей к творческой работе. Они и так получают свои прибыли. Если же многие люди станут мыслить творчески, они, скорее всего, не примут современного им общества.

Дж. Нейсбит в книге «Мегатренды», ссылаясь на исследования, проведенные между 1969 и 1976 гг., отмечает: «Новые фирмы, занимающиеся высокими технологиями, вырвались далеко вперед. Зрелые компании дали в среднем лишь 1 % увеличения числа рабочих мест, инновативные компании – 4,3 %, а молодые компании, занятые высокими технологиями, создали почти невероятное увеличение числа рабочих мест – на 40,7 %» [Нейсбит 2003: 212]. В связи с этим он считает, что «измерять здоровье экономики индексом Доу-Джонса абсурдно – в нем учитываются акции тридцати крупных и по большей части индустриальных компаний, возглавляемых General Motors и U.S. Steel» [Там же: 213].

Но научные разработки, производимые венчурными фирмами и малыми предприятиями, все же представляют собой какое-то стихийное внедрение новых технологий. Для ускорения темпов научно-технического прогресса надо создавать мощные инновационные центры, в которых будут соединены фундаментальные и прикладные разработки, в которых при поддержке государства будут идти параллельные разработки новых систем на основе льготных кредитов. Но для этого надо изменить общество. Пока же

эффективное развитие в научно-техническом плане демонстрируют страны с единой идеологией и преобладающей государственной собственностью (Китай) или страны, где государство активно вмешивается в экономику с помощью кредитной политики (Япония, Южная Корея).

Иногда действительно кажется, что никакое по-настоящему протестное движение, опирающееся на новые идеи, невозможно. Х. Арндт призывает человека, которого другие принуждают к насилию, к действиям, идущим вразрез с общечеловеческими ценностями, просто остановиться и подумать. Но достаточно ли этого для политического деятеля? Он не может занять позицию простого неучастия или исходить из идеи полного согласия между людьми в целях и методах их деятельности. Политику вряд ли можно представить как действие полностью согласных друг с другом людей. Ведь политика – это не дискуссионный клуб, не приятное времяпрепровождение, это борьба, которая неизбежно предполагает подчинение интересов меньшинства большинству, поиск компромисса, легитимное насилие, необходимое в современном обществе, которое, используя терминологию К. О. Аппеля и Ю. Хабермаса, еще не стало полностью коммуникативным сообществом людей.

Однако сведение политики к волевому управлению, несмотря на все ссылки на несовершенство общества, террористические угрозы, опасно потому, что оно отводит массам очень незначительную роль, которая чаще всего ограничивается весьма несовершенной процедурой участия в выборах разного уровня, которые часто превращаются в шоу, так как хорошо известно, что предвыборные обещания в основном не выполняются.

Крупному бизнесу всегда выгодно превратить массы в пассивных наблюдателей исторических событий и пассивных пользователей той части общественного богатства, которую они получают в качестве подачи от тех, кому принадлежит большая часть производимых общественных благ. Однако следует задать вопрос: готовы ли массы принять такое положение дел? Видимо, не всегда. Возможно, это определяет стремление развивать институты так называемой партисипативной демократии (референдумы, инициативы снизу, институты гражданского общества, участвующие в политике). Все менее доверяя политикам, массы все более сами хотят

участвовать в управлении. Дж. Нейсбит отмечает: «Произошел постепенный, но отчетливый переход власти от выбранных чиновников к прямому волеизъявлению избирателей путем локальных инициатив и референдумов, где люди, а не чиновники решают большинством голосов, что делать. Политики значат все меньше и меньше, и потому наблюдается падение интереса к национальным политическим выборам. Это естественное следствие перехода от представительной демократии к партисипативной» [Нейсбит 2003: 232].

Понятно, что партисипативная демократия требует от масс нового уровня политической культуры и в то же время заставляет профессиональных политиков прислушиваться к их голосу или по крайней мере делать вид, что голос масс имеет для них принципиальное значение.

Однако оценки относительно перспектив демократии участия были сделаны Дж. Нейсбитом и другими более 30 лет назад. Сейчас приходится слышать совсем другие оценки, связанные с тем, что процессы глобализации во многом привели к разделению понятий «политика» и «власть». Так, З. Бауман отмечает: власть в наши дни глобальна и экстерриториальна; политика территориальна и локальна. Власть свободно перемещается со скоростью электронных сигналов, не считаясь ни с какими пространственными препятствиями (Поль Верилио считает, что, хотя некрологи в адрес истории пока преждевременны, мы, безусловно, присутствуем при кончине географии: расстояния теряют всякую значимость). «Политика, однако, не имеет другого представителя, кроме государства, суверенитет которого, как и ранее, определяется (и ограничивается) пространственными рамками» [Бауман 2002: 254].

Такая оценка означает, что реальная власть принадлежит корпорациям, финансовым бизнес-структурам, которые действуют вне всяких национальных границ. Политика на национальном уровне лишь обеспечивает условия для их успешной деятельности. И даже политик, всецело преданный национальным интересам своей страны, не может не учитывать факт существования глобальных бизнес-структур. Скажем, будучи заинтересован в инвестициях в экономику собственной страны, он просто вынужден считаться с мнe-

нием представителей крупного бизнеса и тех политических структур, которые поддерживают этот бизнес на глобальном уровне.

Но одновременно с этим встает и задача защиты суверенитета своей страны, отстаивание ее позиции в системе международных отношений, для чего нередко используются идеологические приемы, связанные с указанием особого географического положения страны: скажем, евразийская идея о России как мосте между Востоком и Западом, идея утверждения положения страны как форпоста защиты западной, православной или какой-то иной цивилизации (например, Косово как форпост борьбы за всемирный халифат, Сербия как страж границ православного мира).

Но зачем нужен мост, если люди летают на самолетах, пользуются Интернетом, владеют разными языками? Или что может сделать маленькая страна для защиты той или иной цивилизации, когда у многих стран, принадлежащих к тем или иным цивилизациям, есть ядерное оружие или союзники, владеющие таким оружием?

Все это скорее выглядит как какие-то идеологические мемы, с помощью которых пытаются влиять на сознание людей и на основе которых имеют место массовые искажения исторических фактов (скажем, утверждения типа того, что Крым когда-то населяли древние «укры»).

Следует также учитывать, что в условиях современного глобализирующегося общества отдельные бизнес-решения все более приобретают характер политических. Руководителям корпораций и даже менеджерам более низкого звена приходится учитывать интересы местного населения, его протестные возможности, то есть по необходимости переходить с уровня власти (экономической) на уровень политики, которая должна быть убедительной для масс.

Отсюда то огромное значение, которое приобрела в современных условиях роль PR-специалиста. Если речь идет о корпорациях, то PR-специалист всегда пытается представить экономическую деятельность как такую, в которой массы заинтересованы точно так же, как и бизнес-структуры, причем представить эту деятельность как самую наилучшую, по существу – безальтернативную.

После отказа Р. Рейгана от ряда социальных программ, поддерживаемых государством, в 1970-е гг. частные корпорации приняли на себя социальную ответственность. Признание и утвержде-

ние такой ответственности стало важной составляющей современной этики бизнеса, выразилось в формулировании ряда авторитетных международных стандартов, например, CSR/KCO-2008, ISO 26000, в которых детально проработаны принципы регулирования отношений между работодателем и работником. Есть специализированные международные стандарты по экологии (например, стандарт экологического менеджмента ISO 14000). Это означает, что корпорации добавили к своей деятельности новые политические функции, а их руководители стали новыми субъектами политической жизни.

В современном обществе возрастает роль субъективного фактора в том смысле, что отдельные политические решения могут иметь глобальные последствия. Конечно, это не значит, что объективные факторы отходят на второй план. Они рано или поздно проявят себя. Вопрос, скорее, заключается в том, сколько при этом может пострадать людей. Например, если кто-то начинает войну, это может показаться произвольным решением. Однако далее неизбежно встанет вопрос о растроченных ресурсах, о том, цели могут не осуществиться, а также о глобальных последствиях вплоть до возможного массового уничтожения людей и даже всего человечества.

Это уже новый аспект проблемы, связанный с вопросом о глобальной ответственности политического деятеля. В принципе, эта тема возникла в истории развития человечества достаточно давно. Первыми проявлениями интереса к данной проблематике, наверное, стало обсуждение вопроса о гуманитарной интервенции, представленное в трудах Гуго Гроция. Понятно, что гуманитарная интервенция есть нарушение принципа суверенитета. Но аргументом в пользу возможности и необходимости ее проведения является утверждение, согласно которому в том случае, если возникает необходимость в проведении гуманитарной интервенции, государства, подвергающегося вмешательству в его внутреннюю жизнь, уже практически нет. Это происходит в двух случаях: либо данное государство не может обеспечить необходимый минимум существования своего населения в экономическом смысле, либо в данном государстве имеют место такие социальные конфликты, которые неминуемо приведут к его разрушению. В крайнем варианте

силы, представляющие государство, могут намеренно угнетать, нарушать права части своего населения.

Достаточно долго считалось, что именно государство является субъектом международного права и представляет интересы своих граждан на международной арене, сейчас такое право все более признается за межправительственными и неправительственными организациями, транснациональными корпорациями, организациями и даже отдельными лицами [Цыганков 1999: 111]. В юридической литературе все чаще высказывается и мнение о том, что международной правосубъектностью обладают не только государства, но и физические лица [Захарова 1989: 112–118]. Но если отдельные личности обладают международной правосубъектностью, то понятно, что международное сообщество может защищать права отдельных личностей вплоть до вмешательства в дела других государств, где эти права в массовом порядке нарушаются. «Все государства, – пишет американский философ М. Уолцер, – заинтересованы в глобальной стабильности и в глобальной человеческой общности... стоит лишь сэкономить на нравственной цене молчания и безразличия, и вам придется заплатить политическую цену за потрясения и беззакония у вас дома, ибо разве благопристойность может долгое время поддерживаться *здесь*, если ее уже давно нет *там?*» [Walzer 2004: 74–75].

Решение о гуманитарной интервенции является ответственным постановлением мирового сообщества, представленного авторитетными политическими деятелями, и по существу может проводиться только по решению такой авторитетной и полномочной организации, как ООН. Представляется интересным и вопрос о правилах проведения гуманитарной интервенции. Рассматривая эту проблему, В. Л. Иноземцев предлагает следующие правила:

- полная демилитаризация страны;
- создание институтов власти и управления без участия местного населения, формирование основ правового режима;
- вовлечение управляемой таким образом страны в тесное хозяйственное и финансовое взаимодействие с развитыми государствами;
- постепенное замещение военно-политических рычагов управления экономическими;

– постепенное вовлечение местного населения в управление сначала экономикой, а затем и публичными институтами восстанавливаемого государства [Иноземцев 2005].

Признавая разумность этих правил, можно только сказать, что гуманитарная интервенция по таким правилам пока нигде и никогда не проводилась. Недавние примеры вторжения американцев в Ирак, бомбардировки Ливии и убийство лидера этой страны Муаммара Каддафи, поддержка протестных движений в Тунисе и так называемой умеренной оппозиции в Сирии показывают, что цели гуманитарных интервенций были совсем другими. Это разрушение экономик данных стран, лишение их влияния на политической международной арене, создание хаоса, направленного на изменение геополитической ситуации в регионе. Кроме того, в Ираке эти действия проводились без решения ООН. В Ливии они опирались на весьма широкую интерпретацию резолюции СБ ООН № 1973 о введении бесполетных зон и защите мирного населения. В итоге в большинстве названных стран произошла лишь смена правящих элит.

Выдающимся философом, внесшим вклад в развитие глобальной ответственности государств и политиков, был, конечно, И. Кант. Уже в работе «Метафизика нравов» он говорит о праве человечества в нашем собственном лице [Кант 1994а: 264]. Это право отлично от прав людей, то есть от необходимости соблюдать и уважать мною права и свободы других. *Право человечества в нашем собственном лице* означает, что своими действиями я в принципе могу принести вред всему человечеству и что такие действия должны быть строжайше запрещены. По Канту, это строгий вид долга, хотя это и долг перед самим собой.

И. Кант считает, что народ должен подчиняться даже такому правителю, действия которого выглядят явно несправедливыми. Возражать против этого можно, только подавая жалобы и принимая другие действия легального характера. Действия другого характера как раз могут нанести вред всему человечеству. На пути этих рассуждений Кант оригинальным образом рассмотрел множество вопросов социально-политического характера, решение которых имеет прямое отношение к современности. Это прежде всего относится к теоретическому оформлению идеала совершенной ор-

ганизации человечества, таким образом, чтобы были полностью исключены войны, сохранены как большие, так и малые народы, обеспечены условия для развития всех культур.

Данные вопросы Кант рассматривает в работах «К вечному миру», «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане», «Критика способности суждения» и др. Основная идея Канта заключена в том, что категорический императив может быть и правилом, применимым для регуляции взаимоотношений людей на международном уровне, для принятия политических решений. Для этого он должен быть переформулирован в виде принципа публичности, или гласности. Он звучит следующим образом: «Противоправны все относящиеся к праву других людей действия, максимы которых несовместимы с гласностью» [Кант 1994б: 50] Расшифровывая это положение, Кант говорит о том, что «все максимы, которым *необходима* гласность (чтобы достичь своей цели), согласуются и с правом, и с политикой. Ибо если эти максимы могут достичь цели только с помощью гласности, то они должны соответствовать общей цели общества (счастью), согласовываться с которой (делать общество довольным своим состоянием) – истинная задача политики» [Там же: 55–56].

Конечно, в современном обществе при принятии политических решений не все может быть открыто провозглашено. Например, если, чувствуя какую-то угрозу, президент некоторой страны объявляет, что он собирается тайно направить свой флот к чужим берегам, смысл действия во многом пропадает, так как оно уже не является тайным. Тем не менее Кант отнес бы такой класс ситуаций к несовершенству того общества (человечества), которое мы на данный момент имеем. Для Канта условием заключения вечного мира является демократическое и республиканское устройство всех государств. Он прозорливо видел, что одной демократии недостаточно, массы могут принять и неправильные решения, в том числе – способствующие движению к тоталитарным обществам, как и случилось с античными демократиями. Гарантию против этого дает только республиканское устройство государства, предполагающее систему разделения властей (законодательной, исполнительной и судебной), двухпалатный законодательный орган, что дает воз-

возможность сдерживания господства одних политических сил в ущерб другим.

Рассматривая практические условия заключения мира, И. Кант говорит о правилах поведения сторон во время ведения военных действий. Не должно быть таких методов ведения войны, которые крайне затрудняют последующее заключение мира или вообще делают его невозможным, например, засылки тайных убийц, отравителей, подстрекательства к измене, что привело бы к росту взаимного недоверия. Кант определяет и многие другие требования, относящиеся к совершенной политической организации общества. Необходимо дать гарантии существования больших и малых народов, «постоянные армии... со временем должны полностью исчезнуть», «ни одно самостоятельное государство (большое или малое – это не имеет значения) ни по наследству, ни в результате обмена, купли или дарения не должно быть приобретено другим государством», «государственные долги не должны использоваться для целей внешней политики» [Кант 1994б: 7–9] и др. Эти кантовские положения в полной мере используются и современными теоретиками, рассматривающими проблемы нравственного ограничения войны.

Правда, здесь следует заметить, что современные методы ведения гибридных войн, натравливание одних этнических групп на другие, целевые убийства, намеренные обстрелы гражданского населения совершенно не согласуются с кантовскими максимами.

Одна из интересных теорий ответственности, касающаяся и ответственности политического деятеля, предложена немецко-американским мыслителем Г. Йонасом.

Основная мысль Йонаса состоит в том, что все этические системы прошлого были ориентированы на отношение человека к человеку в актуальном времени настоящего, то есть к живущим в данный момент людям.

«...В прошлом опыте нет ничего аналогичного тому, на что способен современный человек, тому, что он постоянно оказывается вынужденным осуществлять в необратимой актуализации своих способностей. А по этому опыту была скроена вся прошлая мудрость, нормировавшая надлежащее поведение. Поэтому ни одна из унаследованных от прошлого систем этики не наставляет нас отно-

сительно норм “добра” и “зла”, с которыми приходится связывать совершенно новые модальности человеческого могущества и его возможных порождений» [Йонас 2004: 37].

Исключение составлял лишь марксистский утопический проект. Кроме него, о будущем вроде бы говорят еще две этические системы: религиозная эсхатологическая этика и этика ответственности государственного деятеля. Однако в ней будущее выводится за скобки настоящего. Награда вечной жизнью в будущем не связывается с достижением актуальных целей практического совершенствования жизни в настоящем. Нравственный же императив формулируется именно как отношение к другому, существующему в настоящий момент: «Поступай по отношению к другому так же, как ты хотел бы, чтобы поступали по отношению к тебе».

Традиционная этика ответственности государственного деятеля не имеет направленности на будущее в том смысле, что она просто исходит из необходимости поддержания таких же стабильных условий существования, как и в настоящем.

Эти традиционные этики не фиксируют такой ответственности, которая связана с осмыслением факта возможного несуществования человечества в будущем, причем вызванного именно недостаточной степенью ответственности в настоящем. Современное технологическое развитие подобно снежному кому. Поддержание стабильности в настоящем оказывается уже невозможным без вовлечения в сферу производства все новых и новых ресурсов, создания все новых и новых технологий. В этом смысле ответственность перед будущим входит в само настоящее. «Вся традиционная этика принимала в расчет лишь некумулятивное поведение. Базовая ситуация взаимоотношения человека с человеком, на которой должна быть проверена добродетель и обнаружены пороки, остается неизменной, и именно с нее заново начинается всякое деяние» [Там же: 52].

Здесь Йонас обсуждает новые технологические возможности относительно самого человека: продление его жизни, изменение параметров его тела. Он приходит к выводу о том, что новая этика невозможна без формирования некоторого метафизического представления о человеке и без такого отношения к природе, в котором она сама рассматривается более чем поле активности человека,

направленной на обеспечение его жизнедеятельности. В этом смысле обсуждается вопрос о личном моральном праве природы.

Признавая, что сущностью самого человека стало производство и *Homo faber* одолел *Homo sapiens*, Йонас делает вывод о том, что «нравственность должна проникнуть в область производства, от которой она ранее была обособлена, и должна это сделать в общественно-политической форме» [Йонас 2004: 55].

В современном производстве мы сталкиваемся с такими нравственными вопросами, которые порождены кумулятивным эффектом самого этого производства. Ситуация, в которой приходится принимать решения нравственного характера, зависит от того, какие решения были приняты в прошлом. Традиционная этика не знала такой проблемы. Это означает, что профессиональные знания должны стать частью нашей нравственной ответственности. Здесь возникает парадоксальная ситуация: оказывается, мы более всего нуждаемся в мудрости тогда, когда менее всего в нее верим (из-за распространения релятивизма, связанного с современным научным познанием).

Г. Йонас говорит, что для практического обеспечения новой этики отдаленной ответственности нужно, во-первых, сформулировать ее принцип и, во-вторых, определить механизмы, обеспечивающие его действенность. Второе положение заставляет поставить вопрос о том, какие силы действуют от имени будущего в политическом плане и как ответственность перед будущим представлена эмоционально.

По мнению Йонаса, в современном технологическом развитии эволюционный принцип «или-или» (метод незначительных проб и ошибок) заменен чуждым эволюции принципом «иду ва-банк». В этой связи, учитывая, что последствия человеческой деятельности полностью непредсказуемы, возникает вопрос о том, какая степень риска допустима в отношении интересов других. Принципиальный ответ заключается в следующем: никто не может держать пари на то, что ему не принадлежит, то есть на интерес другого.

Однако практически ситуации, когда интерес другого подвергается риску, неизбежно возникают. Например, тогда, когда ради победы в освободительной войне в принципе ставится на карту продолжение существования нации. Но рискованные действия

в отношении будущего (например, война) оправданы только в том случае, когда они развиваются под угрозой ужасающего (радикального) зла, а не ради соблазна счастливого будущего. «Однако даже для спасения своей нации государственный деятель не имеет права применять такие средства, которые могут уничтожить человечество» [Йонас 2004: 94–95].

Прогноз в отношении будущего не может быть достаточно точен, чтобы быть определенно уверенным, как именно нужно поступить в тех или иных практических делах. Но он может быть достаточно точен для того, чтобы сформулировать этическое учение о принципах. Уже отсюда ясно, что преимущество при нравственных решениях, связанных с рисковыми действиями в отношении будущего, должно быть отдано неблагоприятному прогнозу, а не погоне за эфемерным счастьем.

Если суммировать принципы новой этики, предлагаемые Йонасом, они приобретают следующий вид:

1. Придавать угрозе большее значение, чем обетованию благ.
2. Ставкой в лотерее деятельности никогда не может являться существование или сущность человека как целого.
3. Принцип ответственности политического деятеля может быть выражен императивом: «Не делать ничего, что послужит в дальнейшем препятствием для появления таких, как он сам» [Там же: 87, 95, 208].

Ответственность перед будущим, с точки зрения Йонаса, не базируется на взаимности, на правах и обязанностях. Она не может быть обоснована утилитарно или эвдемонистически, скажем, на основе сострадания.

Такая ответственность могла бы возникнуть на базе религиозных представлений, но религия не является чем-то, произвольно возникающим по велению разума. Однако разум может по своей воле создать некоторую метафизическую конструкцию, пригодную для обоснования ответственности перед будущим. И такая метафизическая конструкция есть онтологическая идея существования человека.

Йонас отказывается от представления о том, что понятие бытия не содержит должного, что оно нейтрально в этическом отношении. В то же время этика не может находиться на позиции само-

упоенного антропоцентризма, то есть основанием для выведения долга из бытия не может быть только приоритетное утверждение ценности исключительно человеческого существования. Вопрос о должествовании бытия человека выводится из вопроса о том, должно ли существовать нечто. «...Смысл вопроса, почему вообще *есть* нечто, а не ничто, должен быть следующим: почему вообще *должно* быть нечто, как превосходящее ничто, какова бы ни была причина, почему оно возникает. Исключительно от смысла этого “должно” все и зависит» [Йонас 2004: 111].

Приоритет бытия над небытием, с точки зрения Йонаса, сам по себе следует из ценности, о которой свидетельствует целесообразность вещей в природе. Рассматривая понятие «цель», Йонас отказывается от дуалистического представления, с одной стороны, а с другой, – от теории эмерджентной эволюции. Дуализм для него неприемлем, так как свидетельства цели и субъективности относятся не только к разумной деятельности человека. Соответственно, было бы наивно утверждать, что у человека душа есть, а у собаки, скажем, нет. Эмерджентная эволюция неприемлема потому, что скачок, связанный с возникновением сознания, нарушает сам исходный принцип этой теории. Сознание оказывается способным отменять присущую природе причинность. Тем самым принцип постепенности нарушается.

Преодолеть недостатки обеих теорий Йонас полагает возможным тем, что материи необходимо изначально приписать присутствующую в ней целесообразность. Об этом, с его точки зрения, свидетельствует субъективность в том виде, в каком она являет саму себя, то есть тогда, когда у нее появляются собственные цели, отличные от простого восполнения некоторого недостатка энергии, питательных веществ, необходимых для стабильного существования той или иной системы.

Сильным аргументом Йонаса относительно включенной в саму материю целесообразности является простой вопрос о том, почему субъекту не безразлично его собственное субъективное существование. Он проводит аналогии с машиной, которая могла бы ориентироваться, достигать некоторых целей, но которая была бы совершенно безразлична к факту своей субъективности.

Из факта признания целесообразности в онтологической структуре мира у Йонаса следует и признание особой нравственной ответственности человека. Человек «как высший результат целенаправленных трудов природы является уже не просто их дальнейшим продолжателем, но, почерпнув силу в знании, может стать ее разрушителем. Человек должен воспринять “да” своей волей, а “нет” небытию возложить на свои умения» [Йонас 2004: 157]. Следовательно, человек как венец природы не может стать ее разрушителем и не может стать разрушителем самого себя.

Это, конечно, очень интересная теория в смысле проведенной Йонасом попытки онтологического обоснования ответственности. Но следует заметить, что рассуждения Йонаса следуют в духе все той же парадигмы отказа от радикальных преобразовательных программ. У него это связано с принципом разумной предосторожности.

Думается, однако, что в таком случае человечество не сможет выполнить тех задач ответственности человека перед всем природным миром, своеобразной ответственности в эволюционном смысле, которую утверждает Йонас, ведь для того чтобы управлять эволюционными процессами, способствовать дальнейшему развитию субъективности, как раз необходимы связанные с деятельностью сознания скачки, а это требует радикальных программ.

Литература

- Бадью А. Этика. Очерк о сознании Зла. СПб. : Machina, 2006.
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002.
- Захарова Н. В. Индивид – субъект международного права // Советское государство и право. 1989. № 11. С. 112–118.
- Иноземцев В. Л. Гуманитарные интервенции: Понятие, задачи, методы осуществления // Космополис. 2005. № 1(11). С. 11–23.
- Йонас Г. Принцип ответственности М. : Айрис-Пресс, 2004.
- Кант И. Метафизика нравов / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М. : ЧОРО, 1994а.
- Кант И. К вечному миру / И. Кант // Собр. соч.: в 8 т. Т. 6. М. : ЧОРО, 1994б.
- Нейсбит Дж. Мегатренды. М. : АСТ, Ермак, 2003.

Тоффлер Э. Метаморфозы власти: Знание, богатство и сила на пороге XXI века. М. : АСТ: АСТ МОСКВА, 2009.

Философия: учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. М. : Академический Проект, 2003.

Цыганков П. А. Политическая социология международных отношений: уч. пособ. М. : Радикс, 1999.

Walzer M. The Politics of Rescue [1994] / M. Walzer // Arguing about War. New Haven, CT; London : Yale University Press, 2004.